

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ...

Культура. - 1992. - 15 февр. - С. 9.

Марк Захаров:

«УСПЕШНО ИСКАЖАЮ КЛАССИКУ»

В последнее время нам чаще приходилось прощаться, нежели здороваться. На печальном фоне бесконечных проводов каждое возвращение обретает особую значимость. Тем более если речь идет о маршруте с ярко выраженным движением. Марк Захаров вернулся в Москву из Тель-Авива, где он поставил новый вариант своей знаменитой «Поминальной молитвы».

— Марк Анатольевич, удалось ли превзойти успех московского спектакля?

— Судя по теплоту зрительскому приему, преодолена планка довольно высокого уровня. Я внес в редакцию пьесы определенные коррективы, сделал купюры, то есть предложил израильской аудитории обновленную версию спектакля. Она явно выигрывает в динамизме, в ней задан хороший темп. Хочешь — не хочешь, надо приспосабливаться: спектакли в их театрах начинаются в полдевятого, а уже около одиннадцати, как и у нас, зал потихоньку теряет интерес к происходящему на сцене. Дольше задерживать публику нельзя, иначе финал будет смазан. Среди плюсов израильской постановки — богатое музыкальное оформление и, разумеется, великолепное техническое оснащение сцены. Все это позволило достичь гармоничности и слаженности, возможно, недостающих московскому варианту.

— Наверняка не обошлось без проблем. С чем возникли особые затруднения?

— Я должен был считаться со многими различиями: языковыми, психологическими, религиозными... Контакт через переводчика — не самая плодотворная форма работы. Правда, главную роль — молочника Тевье — играл эмигрант, болгарин по происхождению, и мы ассоциативно, на слух более или менее понимали друг друга. У израильских актеров по-другому устроена нервная система. Приходилось подлаживаться под их мировосприятие, манеру общения,

способ сценического существования. Я столкнулся и с такой серьезной загвоздкой — как найти на иврите равноценный эквивалент русскому юмору. Шолом-Алейхем, кстати, писал на идише. Идиш тоньше, ироничнее, он по своему строю похож на русский язык. С ивритом все сложнее. К сожалению, некоторые комические нюансы, заложенные в пьесе, при переводе были утрачены. Но, как я и написал в программке, Шолом-Алейхем — явление планетарное, конфликты в его сюжетах поднимаются до общечеловеческого звучания и никого не оставляют равнодушным.

Что меня действительно смущало — так это совершенно неактуальная в Москве и болезненно воспринимаемая в Израиле религиозная подоплека пьесы. Государство и церковь там прочно спаяны. Сознание большинства людей имеет четкую религиозную ориентацию. Я постарался скрупулезно выверить спектакль этнографически, но отказываться от своих убеждений не собирался. Меня поразила тонкость грани, разделяющей религиозное и художественное восприятие зала. Помните сцену венчания дочери Тевье в православном храме? Мы смотрим на это спокойно, а перед израильским зрителем здесь разворачивается трагедия шекспировского масштаба: дочь отрекается от веры предков. Я видел зал — взволнованный, напряженный. И вдруг после православной молитвы шквал аплодисментов, отдающих должное красоте исполнения. Хор на самом деле прекрасный. Состоит в основном из репатриантов, бывших солистов наших оперных театров.

— Был ли момент, когда вы почувствовали себя в Израиле «своим» человеком?

— Да, как только в театр начали звонить школьные учителя с требованиями запретить спектакль за искажение классики. Я испытал приятные минуты узнавания, будто никуда и не уезжал. И в Москве, и в Тель-Авиве меня обвиняют в

одних и тех же грехах. Дирекция театра, втайне ожидавшая скандала, этим звонкам тоже страшно обрадовалась, понажимала на кнопки компьютера — вышло, что до марта на «искажение» классики все билеты проданы.

Ну, а если серьезно, попривыкнув к Израилю, я ощутил неуловимые нити родства с этой удивительной землей. К тому же меня сразу окружило множество знакомых, малознакомых и вовсе не знакомых лиц, объединенных памятью о России. Все они живут нашими заботами, смотрят наше телевидение, читают русские газеты. Оболочка эффектная, праздничная, но, наблюдая за ними, замечаешь драматичную душевную раздвоенность.

— Москва рада вашему возвращению и, разумеется, ждет первой премьеры сезона в «Ленкоме».

— Первой премьерой будет спектакль Глеба Панфилова по новой пьесе Александра Галлина с английским названием «Sogyl». Только что сыгран веселый детский спектакль «Бременские музыканты» в постановке Петра Штейна. Я обещаю выпустить премьеру весной, но будет ли это «Чайка» или «Женитьба Фигаро» — пока не решил. Мы работаем над ними параллельно, и я хочу, чтобы буквально до последнего дня оверднейности оставалась неизвестной и актерам, и зрителям.

— Что означают «Чайка» и «Женитьба Фигаро» «по-ленкомски»?

— Мы, конечно же, рискуем. «Чайка» вряд ли вызовет зрительский энтузиазм, я очень хорошо это понимаю. Но все-таки труппу надо питать доброкачественными продуктами. Только высокая драматургия не позволяет растренировываться. Мы не замыкаемся на чеховский «цикл», Боже упаси. Просто стараемся создать увлекательное зрелище. Надо как-то перебить тенденцию скучных спектаклей по Чехову. Меня занимает личность Третьякова. Я вижу в нем натуру необычайно одарен-

ную, но не сумевшую преодолеть сопротивление снобистской среды. Третьяков в моем представлении истинный новатор, человек редкого таланта.

Что касается «Женитьбы Фигаро», ее постановка сейчас, по-моему, очень симптоматична. Пьеса Бомарше, как известно, оказала сильное влияние на ход французской революции. И все эти головокружительные ситуации, блеск, остерота, обилие диалогов особенно выгодно заиграют на фоне нынешней революционной обстановки. Фигаро репетируют молодые актеры Дмитрий Певцов и Андрей Соколов, графа Альмавиву — наш премьер Александр Абдулов и молодой Александр Лазарев. Получится приличный спектакль — посвятим памяти Андрея Миронова.

— Можно ожидать, что о вас опять заговорят как об искателе классики?

— Не думаю. Главные блюстители благопристойности — всевозможные цензурные комитеты — упразднены. А критика по отношению к «Ленкому» сейчас настроена миролюбиво. Без «укусов», конечно, не обходится. Но если спектакли понравятся, отступления от канона нам простят.

— Ну и, пока не изгладились свежие впечатления, какие перемены в нашей жизни произошли за два последних месяца?

— Этой стране свойственны космические перепады времени. Отлучаешься ненадолго, возвращаясь в совсем иную эпоху. Счет идет уже на недели, а порой и на дни. Мне приходится догонять события. Конечно, я не в состоянии позволить себе роскошь долго акклиматизироваться. С первого дня навалились многочисленные театральные проблемы, в основном финансового характера. Но о них не стоит рассказывать. Не надо омрачать радость встречи ни себе, ни зрителям, ни читателям.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.